

вещи смотрятъ діаметрально-противоположно. Но теперь ни въ чемъ васъ не увѣряю и ни о чемъ съ вами не спорю. Вижу, что рѣшиться ѣхать для васъ то же, что рѣшиться умереть. Жалѣю о силѣ смѣшного предрасудка надъ такимъ умомъ и такимъ сердцемъ, каковы ваши; но извиняю васъ во всемъ этомъ, приписывая все это не вамъ, а судьбѣ. Что касается до Eugénie, то вы напрасно думаете уподобиться ей тѣмъ, что рѣшитесь пріѣхать въ Петербургъ. Если бы вы и пріѣхали, между ею и вами все бы ничего не было общаго; ибо Eugénie въ Петербургъ никто бы не принялъ къ себѣ, а васъ всѣ примутъ, и вмѣсто презрѣнія, вы своимъ пріѣздомъ приобрѣли бы только большее право на уваженіе всѣхъ и cadaго. Вы неправы, думая: что я пишу подъ чѣмъ-либо вліяніемъ, а тѣмъ болѣе подъ вліяніемъ Краевского. Такъ же точно неправы вы, видя въ каждомъ моемъ словѣ *seigneur* et *maître*, а во мнѣ деспота. Это показываетъ, что вы еще мало знаете меня. Я *фанатикъ*, это правда, но всего менѣе деспотъ. Не мѣсто и не время объяснять вамъ теперь здѣсь разницу между деспотизмомъ и фанатизмомъ, деспотомъ и фанатикомъ, и потому оставляю эту матерію. Если когда-нибудь мы будемъ соединены, тогда, надѣюсь, вы узнаете меня лучше и будете ко мнѣ справедливы; а теперь вы судите обо мнѣ подъ вліяніемъ тягостной для васъ идеи о побѣдѣ въ П.

Рѣшайте вы—отъ васъ я жду рѣшенія—оно въ вашей, а не въ моей волѣ: или пріѣжайте, если хотите, чтобы къ посту кончились наши пытки и страданія, или отложите до апрѣля, когда я буду въ состояніи пріѣхать къ вамъ въ Москву.

Въ первомъ случаѣ вы можете ѣхать и не 28-го числа, а позже, лишь бы пріѣхали въ П. дня за три до поста; но въ обоихъ случаяхъ вы не замедлите увѣдомить меня. Если вы рѣшитесь отложить, я покорюсь вашему рѣшенію со всѣмъ *résignation* преданнаго вамъ друга, который ваше спокойствіе и здоровье предпочитаетъ своему счастью. Я вижу самъ, что ѣхать вамъ нѣтъ никакой возможности: почему-то вы воображаете, что такимъ поступкомъ лишаетесь права на уваженіе общества. Можетъ быть, въ Москвѣ оно и такъ, а потому больше и не спорю съ вами. Ахъ, боюсь одного, одного боюсь: моего проклятаго письма, какое получили вы уже въ воскресенье (17). Только пронеси Богъ мимо эту бурю, а тамъ пусть будетъ, что будетъ!

Бѣдный другъ мой, какъ вы страдаете! Сердце мое сжалось, когда я прочелъ ваше письмо. Правда, причина вашего страданія—фантомъ, призракъ, бредъ больного воображенія; но развѣ отъ этого легче ваше страданіе? Напротивъ, тѣмъ большее страданіе возбуждаетъ въ моей душѣ ваше страданіе. Да, Marie, есть пункты, въ которыхъ мы рѣшительно не понимаемъ другъ друга; зато, благодаря имъ, я понялъ, что такое Москва. Я давно уже не люблю ее; но теперь... Что касается до приглашенія, которымъ удостоиваютъ меня ваши родственники, я долженъ объясниться съ вами опредѣленно на этотъ счетъ. Въ Петербургѣ нѣтъ обычая останавливаться у родни, своей или жениной; тамъ это не въ тонѣ, да никто и не пригласитъ и не пуститъ; для этого есть трактиры. Такъ водится и въ Европѣ; но не такъ водится въ Москвѣ, патриархальной и азіатской. Если я захочу соблазнить экономію, я останавлиюсь у своихъ родственниковъ, или у Щепкиныхъ, которыхъ считаю истинными своими родными въ духѣ; но что жъ мнѣ за радость остановиться у людей, совершенно чуж-

дыхъ мнѣ, быть связаннымъ, притворяться, скрывать свой образъ мыслей, говорить не то, что думаю? Бывать у нихъ я готовъ для васъ. Это другое дѣло. Вы, Marie, совсѣмъ не понимаете меня съ моей главной и существенной стороны. Знаете ли вы, что людей, съ которыми я ни въ чемъ не могу сойтись, я считаю моими личными врагами и ненавижу ихъ? И знаете ли вы, что я это считаю въ себѣ добродѣтелью, лучшимъ, что есть во мнѣ?

Прощайте. Отвѣчайте мнѣ немедленно на это письмо. Будьте свободны въ вашемъ рѣшеніи, и вѣрьте, что ваше спокойствіе и здоровье, въ моихъ глазахъ, стоютъ моего счастья, и что я постараюсь, какъ могу и умѣю, *те résigner*.

Вашъ В. Бѣлинскій 1).

Къ Н. В. Гоголю 2).

20-го апрѣля 1842 г. СПб.

Милостивый Государь Николай Васильевичъ! Я очень виноватъ передъ вами, не увѣдомляя васъ давно о ходѣ даннаго мнѣ порученія. Главною причиною этого было желаніе—написать вамъ что-нибудь положительное и вѣрное, хотя бы даже и непріятное. Во всякое другое время ваша рукопись прошла бы безъ всякихъ препятствій, особенно тогда, какъ вы были въ Питерѣ. Если бы даже и предположить, что ее не пропустили бы, то все же могли навѣрное сказать, что только въ китайской Москвѣ могли поступить съ вами, какъ поступилъ г. Свѣгиревъ, и что въ П. этого не сдѣлалъ бы даже Петрушка Корсаковъ, хоть онъ и моралистъ, и пѣтистъ. Но теперь дѣло кончено, и говорить объ этомъ бесполезно.

Очень жалѣю, что „Москвитянинъ“ взялъ у васъ все и что для „О. З.“ нѣтъ у васъ ничего. Я увѣренъ, что это дѣло судьбы, а не вашей доброй воли или вашего исключительнаго расположенія въ пользу „Москвитянина“ и къ невыгодѣ „О. З.“. Судьба же давно играетъ странную роль въ отношеніи ко всему, что есть порядочнаго въ русской литературѣ: она лишаетъ ума Батюшкова, жизни Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова—я оставляю въ добромъ здоровѣ Булгарина, Греча и другихъ подобныхъ имъ негодяевъ въ Петербургѣ и Москвѣ; она украшаетъ „Москвитянина“ вашими сочиненіями и лишаетъ ихъ „О. З.“. Я не такъ самолюбивъ, чтобы „О. З.“ считать чѣмъ-то соотвѣствующимъ такимъ великимъ явленіямъ въ русской литературѣ, какъ Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Лермонтовъ; но я далека и отъ ложной скромности бояться сказать, что „О. З.“ теперь *единственный* журналъ на Руси, въ которомъ находятъ себѣ мѣсто и убѣжище честное, благородное и—смѣю думать—умное мнѣніе, и что „О. З.“ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть смѣшиваемы съ холопами знаменитаго села *Портчья* 3). Но потому-то, видно, имъ то же счастье: не измѣ-

1) Послѣ этого переписка окончилась, вслѣдствіе пріѣзда нежданныхъ къ Бѣлинскому.

2) „Русская Старина“ 1889 г. I, стр. 143—145.

3) Имѣнья С. С. Уварова.